

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

§ 1. Постановка вопроса

В 1844 году принц Луи-Наполеон, ныне его величество Наполеон III, в ответе своем г. Жобару, автору «Monautorole» высказал мнение, на которое опираются в настоящее время защитники литературной собственности: «Интеллектуальное произведение — такая же собственность, как и земля или дом; она должна пользоваться теми же правами и не может быть нарушаема иначе, как в интересе общественной пользы (pour cause d'utilité publique)».

Во время оно слова учителя были для школы неопровержимым доказательством. Учитель сказал, *Magister dixit*, и дело было решено; французская логика, склонная к авторитетам, и до сих пор держится той же системы. Государь сказал, император сказал! — Его решение безапелляционно.

На этот раз, однако, император ошибся. Интеллектуальное произведение вовсе не такая же собственность, как земля или дом и вовсе не порождает тех же самых прав. Так как я не принадлежу к числу людей, которым верят на слово, то приведу доказательства.

Конечно, я не стану винить Наполеона III за то, что будучи еще простым претендентом, но уже осаждаемый разными утопистами и изобретателями панацей, он поддался влиянию шутника Жобара, которого я коротко знал, и который верил в литературную собственность, как истинный нормандец т. е. не слишком-то ей доверял. Я осмелюсь только, сославшись на слова Людовика XII, напомнить его императорскому величеству, что император французов не может отвечать за *lapsus calami* принца Луи и после такой оговорки я охотно буду хвалить августейшую особу, решившуюся приведенными словами сразу разрешить затруднение.

Вопрос не в том, имеет ли литератор, изобретатель или художник право на вознаграждение за свой труд; кто же думает отнимать кусок хлеба у человека, будь он поэт или оброчный крестьянин? Раз на всегда следовало бы бросить этот пустой вопрос, подающий только повод к самым смешным декламациям. Нам предстоит определить только свойство авторских прав, способ вознаграждения труда; мы должны решить может ли, и каким образом, этот труд породит собственность, аналогичную собственности поземельной, как уверяют защитники монополии и как думал принц Луи-Наполеон в 1844 году; не основывается ли установление интеллектуальной собственности по образцу поземельной, на ложном уподоблении, на ложной аналогии.

Основывая свои суждения на неудачном обобщении, защитники монополии разрешают этот вопрос утвердительно; я же, после тщательного разбора их доводов и на основании того анализа, о достоинствах которого будут судить читатели, пришёл к противоположному, отрицательному ответу.

§ 2. Определение

С экономической точки зрения писатель — производитель, а сочинение его — продукт. Что понимается под словом производить? Свойство человеческой производительности Все писатели, защищающие литературную собственность, сходятся между собою в том, что уподобляют художественные и литературные произведения — земледельческим и промышленным. Такова исходная точка всех их рассуждений; эту же точку приму и я за исходную. Прежде всего следует только оговориться, что подобное уподобление нисколько не унижает достоинства литературы, наук и искусств.

Действительно, как ни существенно различие между областью прекрасного, справедливого, святого, истинного и областью полезного, как ни резка черта, разделяющая эти области во всех других отношениях, но если принять в соображение только то, что для всякого сочинения автору нужно употребить физическую силу, время, деньги, припасы, словом, если смотреть на этот предмет единственно с точки зрения политической экономии, то, на языке науки народного богатства, писатель ничто иное как производитель; сочинение же его ничто иное как продукт, который если будет пущен в обращение, то порождает право на вознаграждение, жалованье или заработную плату, — я не стану в настоящую минуту спорить о выражении.

Но прежде всего, — что понимается в политической экономии под словом производить?

Лучшие представители науки сообщают нам, и защитники литературной собственности не оспаривают такого мнения, что человек не может сотворить ни одного атома материи; что он способен только овладеть силами природы, направлять их, видоизменять их действия, соединять и разъединять различные тела, изменять их формы и посредством подобного управления силами природы, подобного видоизменения тел, подобного разделения элементов придавать внешнему миру более полезный, плодотворный, благодетельный, блестящий и выгодный для самого человека вид. В этом смысле вся человеческая производительность состоит: 1) в выражении идей, 2) в видоизменении материи.

Таким образом всякий ремесленник есть ничто иное, как производитель движений и форм: первые он почерпает из своей жизненной силы, с помощью мускулов и нерв; вторые являются вследствие возбуждения его мозга. Единственная разница между ним и писателем та, что ремесленник, непосредственно действуя на материю, изображает, и, так сказать, воплощает в ней свою идею, между тем, как философ, оратор, поэт, если можно так выразиться, не производят ничего вне собственного своего существа и произведение их, устное или письменное, ограничивается словом. Я с своей стороны давно уже сделал это замечание и гг. Фредерик Пасси и Виктор Модест, разделяющие в этом отношении мои взгляды, могли бы сослаться на мои слова, если бы я принадлежал к числу таких писателей,

которых прилично цитировать и если бы напротив того не было выгоднее третировать меня, как софиста. Но знают ли они к чему приведет их это уподобление, принимаемое, кажется, всеми современными экономистами? Они и не подозревают этого.

Итак мы пришли к соглашению: писатель, человек одаренный гением, — такой же производитель, как и мелочной лавочник или булочник; сочинение его ничто иное, как продукт — частичка народного богатства. Было время, когда экономисты различали произведения материальные и нематериальные, подобно тому, как Декарт различал дух и материю. Это деление оказалось излишним: во первых потому, что произвести материю невозможно и вся наша деятельность ограничивается производением идей и видоизменениями природы; во вторых потому, что в строгом смысле слова мы не можем произвести даже и идей — точно так, как не можем произвести материальных тел.

Человек не творит своих идей, но получает их; он не образует истины, но открывает ее; он не изобретает ни красоты, ни справедливости, — они сами открываются ему при наблюдении явлений и взаимодействия предметов. Для нас не доступен ни умственный, ни чувственный фонд природы: причина и сущность вещей не наших рук дело; даже идеал, о котором мы мечтаем, к которому стремимся и из-за которого делаем столько глупостей — создан не нами. Наблюдать и увидеть, искать и открыть, овладеть материей и видоизменить ее сообразно тому, что мы видели и открыли, — вот что политическая экономия понимает под словом производить. Чем более углубляемся мы в этот вопрос, тем более убеждаемся в действительности сходства между литературными и промышленными произведениями.

Мы говорили о качестве продукта, обратимся к количеству. В какие пределы заключена наша производительная сила и следовательно какое значение, какие размеры могут иметь наши произведения?

На этот вопрос можно ответить, что наша производительность зависит от наших сил, от нашей организации, от воспитания, которое мы получили, от среды, в которой мы живем. Но такая пропорциональность имеет большое значение только при рассматривании человека в собирательном смысле и вовсе не важна, если мы будем рассматривать отдельных индивидуумов, так что все сказанное мною о незначительности индивидуальной производительности относится столько же до произведений философских или литературных, сколько и до промышленных.

Подобно тому, как земледелец видоизменяет только небольшую частичку почвы, возделывает только клочок земли, словом добывает себе только насущный хлеб, так и мыслитель не сразу открывает истину, а доходит до этого путем многих заблуждений; да и та истина, открытием которой он хвалится, ничто иное как на минуту блеснувшая искра, которая завтра же исчезнет в сиянии вечно восходящего светила общечеловеческого разума. В области науки и искусства всякий индивидуум быстро стирается, так что идеи, на которых время казалось не должно бы иметь большего влияния, на деле ничем от него не защищены. Производство человека, каково бы оно ни было, также ограничено, несовершенно, эфемерно и не долговечно, как и сам он. Проходя чрез мозг человека, который ее индивидуализирует, идея так же скоро стареет, как и слова ее выражающие;

идеал разрушается так же быстро, как образ его представляющий и произведение, которым мы восторгаемся, которое мы называем гениальным, в сущности — ничтожно, несовершенно, брэнно, требует постоянных возобновлений, как хлеб, которым мы питаемся или как одежда, прикрывающая нашу наготу. В самом деле, что такое представляют собою великие произведения, оставленные нам вымершими, но по нашим понятиям бессмертными народами? — мумии.

Итак со всех точек зрения произведения промышленные тождественны с произведениями литературными. Перенесенное в область политической экономии различие между духом и материей подает только повод к заявлению надменных притязаний, к предъявлению таких условий, которые противны не только политической экономии, но и самой природе. Это не значит, однако, чтобы люди, специальность которых составляет умственная работа не были умнее тех людей, которые по ремеслу своему принуждены постоянно возиться с материальными предметами; это не доказывает также, чтобы художественная и литературная производительность составляли только особую отрасль промышленности.

Я оставляю за собою право впоследствии доказать совершенно противное. Я говорю только, что в сущности, если иметь в виду только народное богатство, нет качественного различия между разными категориями продуктов, и в этом отношении защитники литературной собственности со мной согласны. Откровенно говоря, действительно — велико ли это различие с точки зрения экономической? Мыслитель изобрел идею, практик усваивает ее и дает ей осуществление. Кому отдать преимущество? Можно ли полагать, что достаточно прочесть в трактате о геометрии правила рассечения камней для того, чтобы и рассечь их по этим правилам? Но для этого нужно еще уметь обращаться с молотком и долотом; вообще не так просто передать идею, созревшую в мозгу, оконечностям пальцев, которые уже переводят ее на материал. Человек, сумевший сообщить идею рукам, часто разумнее того, у которого она только в голове и который не может выразить ее иначе, как формулою.

§ 3. Право производителя на продукт. — Понятие о произведении не влечёт за собою понятия о собственности

Кому принадлежит произведенная вещь или форма? Производителю, который имеет исключительное право пользоваться и распоряжаться ею. Это такой принцип, под которым я готов подписаться обеими руками. Никаких доказательств тут не нужно, гг. Пасси и де Ламартин. Я никогда не говорил, что труд — кража, напротив того... «Следовательно, заключают они, продукт составляет собственность производителя. Вы согласны с этим, следовательно мы поймали вас на слове, убедили вас с помощью ваших же афоризмов». Позвольте, господа, мне кажется, что не я, а вы сами введены в заблуждение своею метафизикою и многословием. Позвольте мне сначала сделать вам небольшое замечание, а за тем уже мы увидим, кто из нас прибегает к софизму.

Человек написал книгу, и эта книга принадлежит ему, я с этим согласен, как дичь принадлежит охотнику, который ее убил. Автор может сделать с своею рукописью все, что ему угодно, сжечь ее, поставить в рамку, подарить своему соседу; все это в его воле. Я даже готов согласиться с аббатом Плюке (Pluquet), что если книга принадлежит автору, то она составляет его собственность; но будем избегать неточных выражений. Собственность — собственности рознь. Это слово принимается в различных значениях, и переходит от одного толкования его к другому, — такой способ рассуждения ничто иное, как глупое шутовство. Чтобы сказали вы о физике, который, написавши трактат о свете и сделавшись вследствие того собственником, стал бы утверждать, что к нему перешли все свойства света; что его темное тело преобразилось в светящее, блестящее, прозрачное; что оно проходит 70,000 миль в секунду и до некоторой степени обладает даром вездесущности? Вы пожалели бы, что такой учёный человек сошёл с ума. Почти тоже самое случилось и с вами и, в то время, как вы от понятия о праве собственности на продукт доходите до образования нового рода поземельной собственности, к вам можно применить слова, сказанные правителем Иудеи апостолу Павлу: *Multae te litterae perdidierunt*. Весною бедные крестьянки ходят в лес за ягодами, которые они потом продают в городе. Эти ягоды — их продукт и следовательно, выражаясь словами аббата Плюке, их собственность. Доказывает ли это, что бедные крестьянки принадлежат к классу людей, называемых собственниками? Если бы дать им это название, то всякий подумал бы, что они имеют право собственности и на лес, в котором растут ягоды. Но к несчастью истина совершенно противоположна такому заключению. Если бы ягодные торговки были собственницами, то они не собирали-бы в лесу ягод для десерта собственников, а сами ели бы их.

Нельзя так легко переходить от понятия о производительности к понятию о собственности, как делал это в 1791 г. Шапелье, который и запутал законодательство по этому предмету. Против попытки установить синонимичность этих понятий вооружается даже и обычай, так как и в разговорном языке, и в науке всеми принято, что хотя один и тот же человек может быть и производителем и собственником, но, тем не менее, эти два названия совершенно различны и часто даже противоположны друг другу. Конечно продукт составляет имущество производителя, но это имущество не есть еще капитал, а тем менее собственность. До этих понятий еще далеко и чтобы дойти до них нужно тщательно разузнать и проложить дорогу, а не шагать на ходулях громких фраз, как делает г. де Ламартин.

Словом, возвращаясь к нашему сравнению, сочинение писателя есть такой же продукт, как и жатва крестьянина. Если мы захотим узнать основание этой производительности, то придем к двум моментам, соединение которых дает продукт: это — труд с одной стороны, а с другой — основной капитал или фонд, который для земледельца заключается в земле, а для писателя в том, что мы назовем пожалуй духом. Так как земля разделена между частными владельцами, то всякий клочок её, с которого возделыватель собирает жатву, называется поземельною собственностью, или просто собственностью; это понятие существенно отличается от понятия продукта, которому оно предшествует. Я не стану разыскивать оснований института поземельной собственности, на которую не нападают мои противники, стремящиеся только добиться её контрафакции. Эти основания не имеют ничего общего с нашими настоящими исследованиями. Я воспользуюсь только твердо установленным различием между земледельческим продуктом и поземельною

собственностью и скажу, что ясно вижу, в чём заключается продукт писателя, но не могу найти соответствующего ему права собственности. В чём оно заключается, на каких началах установить его? Размежуем ли мы мир духовный подобно тому как размежевана земля? Я не противлюсь такому размежеванию, если оно возможно, но каким же образом произвести его?... Составляет ли собственность писателя самый продукт его, самое сочинение, материалы для которого почерпнуты из общечеловеческого запаса сведений и которое в свою очередь послужит материалом для дальнейшей разработки? Каким же образом, вследствие каких общественных условий, какой законной фикции, каких оснований совершится подобная метаморфоза? Вот что вам следовало бы разъяснить, но чего вы не разъясняете, без всякой последовательности переходя от понятия о продукте к понятию о собственности; я с своей стороны сейчас же постараюсь разрешить этот вопрос. Литератор — производитель, его продукт принадлежит ему; никто с вами об этом не спорит. Но опять таки, спрошу я вас, что же этим доказывается? Что нельзя требовать от литератора его продукта даром? Так, но что же из этого?

Здесь, впрочем, возникает новый вопрос, который нужно рассмотреть особо.

§ 4. О мене продуктов. — Из меновых отношений не вытекает право собственности

Так как для того, чтобы установить литературную собственность, начали доказывать реальность литературного произведения, хотя первая вовсе не вытекает из последней, то и мы предположим, что эта собственность, если уже она должна существовать, будет результатом последующих отношений. Мы возвратимся к той точке, на которой оставили свой вопрос и проследим литературное произведение во всем его экономическом движении.

Всякое богатство, добытое трудом, есть в одно и тоже время и продукт физической силы и проявление идеи. Выходя из рук производителя, оно еще не представляет собою собственности, оно есть просто продукт, прибыль, объект пользования и потребления. Но положение человечества было бы весьма незавидно если бы всякий производитель пользовался только своими специфическими продуктами. Нужно чтобы пользование обобщилось и чтобы человек из специального производителя делался всеобщим владельцем и потребителем. Способ, посредством которого потребление продуктов делается общим достоянием всех, представляет мена. Только мена придает всякому продукту или всякой услуге — ценность; только мена порождает для всякого рода производительности понятие вознаграждения, платы, жалованья и т. п.

Может ли собственность, разумея под этим словом собственность поземельную, о которой разделение земли дает нам столь ясное понятие и на аналогии с которой хотят построить собственность интеллектуальную, может ли, говорю я, собственность, которую нам не удалось вывести из производительности, быть следствием мены? Этот-то вопрос нам и

предстоит теперь разрешить.

Законы мены известны: продукты обмениваются один на другой, причём оценка их зависит от взаимных отношений спроса и предложения; по совершении обмена каждая из поменявшихся сторон получает право распоряжаться приобретенным продуктом, как своим собственным, и за тем все взаимные обязательства сторон прекращаются.

Эти законы всеобщие, они применяются ко всем родам продуктов и услуг и не допускают исключений. Продукты чисто интеллектуальные обмениваются на промышленные точно так же, как последние меняются друг на друга; в обоих случаях из договора мены вытекают одни и те же права и обязательства. От чего же это зависит? От того, как объяснили мы выше, что все продукты человеческой деятельности, в сущности, однородны и однокачественны, все заключают в себе употребление физической силы и проявление идеи; что все действия человека, от идей выражаемых словами до видоизменения материи — ограничены, эфемерны, несовершенны; что сущность их не зависит от воли человека; что средняя пропорциональная величина их неизменна. Вот чем объясняется то обстоятельство, что люди могут обмениваться своими продуктами, оценивать друг друга, платить друг другу.

Но из всего этого я все таки не вижу, чтобы выменянная вещь могла обратиться в основной капитал, приносящий проценты или ренту, как земля, словом, чтобы она могла обратиться в собственность.

В мене можно найти много резко друг от друга отличающихся моментов, которые иногда порождают серьёзные затруднения; таково предложение, которое иногда предшествует спросу, а иногда следует за ним; сюда же относятся: — торг, соглашение, передача, получение, уплата. Обо всех этих моментах писались целые томы, все они могут порождать различные обстоятельства, но к числу их нельзя отнести, и даже невозможно вообразить себе такого факта, который заменил бы основную идею мены и обратил бы владельца, производителя или приобретателя вещи в лицо, которое мы привыкли называть собственником.

Мы дойдем в последствии до вопроса о сбережении и капитале и спросим, могут ли эти понятия повести к понятию о собственности. В настоящую минуту нас занимает одна мена.

Я говорил уже, что одного понятия о литературном произведении недостаточно для установления литературной собственности, подобно тому, как одного понятия о произведении земледельческом или промышленном недостаточно было бы для учреждения собственности поземельной; теперь же я скажу, что литературная собственность не может быть выведена и из принципа мены потому во первых, что сочинение, служащее предметом мены есть все-таки ничто иное, как продукт, вещь потребляемая, совершенно противоположная тому, что принято понимать под собственностью; во вторых, что по совершении обмена вещь принадлежит уже не производителю, а тому кто ее приобрел; такие соображения оставляют вопрос *in statu quo* и совершенно уничтожают гипотезу, устанавливающую право собственности в пользу производителя.

Таким образом общепринятая в настоящее время аналогия между литературным и промышленным производением далеко не приводит нас к понятию о какой бы то ни было собственности. Это следовало бы яснее понимать гг. Фредерику Пасси и Виктору Модесту, со всею свойственною им энергиею утверждающим, что собственность вовсе не есть последствие производительной деятельности и что те люди, которые подобно г. Тьеру в основание собственности кладут труд собственника, в сущности не защитники, а противники права собственности. Очевидно, — таково же и мое мнение, что поземельная собственность имеет другое основание; что она выше, если не старше труда и что выводить, подобно защитникам бессрочной монополии, право собственности из того, что литератор — производитель, значит самому портить свое дело.

Производители различных специальных предметов обменивают свои продукты, но в этой мене нет ничего, что бы порождало понятие о поземельной собственности. Владение (этим словом лучше всего определяется отношение производителя или меновщика к продукту), начинается со времени появления продукта, обнимает только этот продукт и прекращается с производством обмена. *Do ut des*, я даю вам с тем, чтобы и вы мне дали чтонибудь; дайте мне урок правописания, арифметики, музыки, я дам вам в замен этого яиц от моих куриц, кружку моего вина, фруктов мною набранных, моего сыру, масла, чего вы хотите. Спойте мне свою песню, расскажите мне свою историю, научите меня вашим приемам, вашему ремеслу, откройте мне ваши секреты; за это я дам вам квартиру, буду вас кормить и содержать на свой счет в продолжении недели, месяца, года, в продолжении всего времени, что вы меня будете учить. Что следует за обменом продуктов и услуг? Всякий из поменявшихся извлекает свою выгоду из полученного, усваивает себе эту вещь, разделяет ее между своими детьми, своими друзьями, и уступивший ее не может протестовать против такой передачи вещи. Виданное ли дело, чтобы молодые люди обоюго пола из Франции, Швейцарии и Бельгии отправляющиеся в Россию для обучения тамошней молодежи, сверх платы за свои услуги требовали еще от своих учеников обязательства, по достижении зрелого возраста не обучать своих соотечественников, так как преподавание составляет собственность иностранных наставников? Это значило бы дать и удержать, то есть разрушить мену. Русские вельможи, выписывающие иностранных учителей, могли бы, на том же основании, требовать, чтобы, по окончании занятий и по получении условленной платы, иностранцы обязаны были истратить эти деньги в России и не вывозить русских денег за границу; такое требование было бы конечно весьма странно и неудобноисполнимо, а между тем защитники литературной собственности мечтают о чем то подобном; под каким предлогом домогаются они таких не сбыточных вещей, это мы скоро увидим.

Вывод наш таков: всякий продукт чистого мышления или промышленности, если он пущен в оборот, считается не фондом, не собственностью, а потребляемою и уничтожаемою от потребления вещью; распоряжаться этою вещью может только произведший ее, или тот, кто получил ее, представив в замен её известный эквивалент. Совсем не таково право собственности. Земля не есть произведение человека, она не потребляема, и право собственности на нее может быть передано и лицу не возделывающему ее. Ничего не может быть яснее этого различия, даже самая аргументация монополистов предполагает его, хотя и не может этого выразить; весь их талант заключается в умении запутывать идеи, перемешивать понятия, выражаться двусмысленно и выводить заключения, не имеющие никакого отношения к большей посылке.

§ 5. Особые затруднения, встречаемые при мене интеллектуальными продуктами

С одной стороны различие, по-видимому существующее между различными родами продуктов, а с другой несовершенство меновых операций ввели мыслителей в заблуждение.

Между скотоводом, продукты которого составляют: масло, говядина, шерсть и промышленником, фабрикующим полотно, приготавливающим шляпы, обувь — мена производится естественно и легко. Труд каждого из них воплощается в материальный, осязательный предмет, который можно испробовать, измерить, взвесить и потребление которого необходимо ограничивается самим приобретателем и его семьей. Оценка, передача и расчёт в этом случае не представляют никакого затруднения. Поэтому то в законодательстве существуют об этом предмете старые и точно определенные постановления.

Не так легок обмен подобных продуктов на произведения умственные, на идеи, которые, как кажется с первого взгляда, даже вовсе непотребляемы и распространение которых, если они переданы хотя одному лицу, может идти до бесконечности уже независимо от автора; при таких обстоятельствах законодатель колеблется, а заинтересованные стороны кричат, одна о преувеличении, другая о неблагодарности. Во все времена в торговле было много несправедливого; научился ли еврей, в продолжении трех тысяч лет занимающийся торговыми оборотами, отличать мену от ажиотажа и кредит от лихоимства? Люди трудящиеся над разработкою отвлечённых идей жалуются на плохое обращение, которому они подвергались, а разве лучше участь несчастных тружеников, прикрепленных к земле?... Будем хладнокровно толковать о вещах и имея в виду то обилие вероломства, с которым нам приходится бороться, не будем выпускать из виду требований здравого смысла.

Начнем с самых простых примеров, а впоследствии перейдем и к более сложным.

Доктора призывают к больному, он определяет род болезни, прописывает лекарство. За такую услугу принято платить доктору, по выздоровлении, соразмеряя плату с числом визитов; в Англии, впрочем, доктору платят за каждый визит особо. Но что же дал доктор больному? — Совет, рецепт, заключающийся в четырех строчках, вещь нематериальную, неосязаемую, не имеющую прямого отношения к той плате, которая за нее производится. Одно лекарство, удачно прописанное, — спасет жизнь больного, и за него не жалко заплатить даже 1000 франков, а другое не стоит и чернил, которые на него изведены. Но всякий поймет, что доктор все-таки трудился, тратил время, должен был совершить путешествие пешком или в экипаже; что прежде чем сделаться доктором и получить практику, он должен был много и долго учиться и т. д. За все это нужно вознаграждение, но в чем же оно будет состоять? Нет никакой возможности точно определить его размеры. Данными для такого определения служат соображения о том, чего стоило доктору изучение

медицины, сколько у него больных, как велика конкуренция со стороны других докторов, как велика потребность в докторах и как высока степень благосостояния данной местности. Словом, хотя тут нет обмена продуктами, но есть обмен ценностями; поэтому услуги докторов вознаграждаются одинаково, по одной и той же таксе, независимо от того, удалось ему спасти жизнь больного или нет.

На том же самом основании вознаграждаются и услуги лиц, живущих частными уроками. Из данного урока, из прописанного рецепта, лицо получившее их может сделать все, что ему угодно. Никто не может запретить ученику научить другого тому, чему сам он выучился, или больному — передать рецепт другому лицу. Ни учитель, ни доктор не могут претендовать на это. Если лечить больных запрещено лицам не имеющим докторского диплома, то это запрещение имеет полицейскую и гигиеническую цель, а вовсе не стремится к защите привилегии. Всякий может изучить медицину и получить докторскую степень. Словом в этом случае, как и во всех других вполне применяется тот основной принцип мены, по которому приобретенная меною вещь становится собственностью приобретателя.

Несколько иначе вознаграждаются труды университетского профессора, которому государство платит определенное жалованье, но в сущности и тут наблюдается тот же принцип. Закон, скажете вы, запрещает кому бы то ни было воспроизводить его лекции. Я допускаю такую предосторожность со стороны законодателя который не хочет, чтобы мысли профессора искажались и обезображивались непонятливыми или неблагонамеренными слушателями. Профессор отвечает за свои лекции, следовательно он должен и наблюдать за их печатанием. Но выгода, которую профессор получает от обнародования своих лекций сверх жалованья, должна быть рассматриваемая как соединение в одном лице двух должностей. Она может быть терпима вследствие принятия в соображение умеренности профессорского оклада, вследствие желания поощрить усердие профессоров и т. д. Я не стану оспаривать разумности этих мотивов. Я говорю только, что нужно принять одно из двух: или эта прибыль от обнародования лекций составляет добавочный оклад профессора, или она представляет собою нарушение основного в торговле правила, что за один товар дважды не платят. Во всяком случае, из этого обстоятельства никак нельзя вывести необходимости установления бессрочной литературной ренты.

Судья, священник, чиновник административного ведомства, все эти лица рассматриваются с той же точки зрения. Все они также интеллектуальные производители и только желание возвысить их значение и не унижать их до сравнения с простыми промышленниками побудило изобрести для них названия жалованья, гонорара и т. п., которые все подобно более скромному названию — заработной платы, указывают на одно и то же понятие, на цену услуг и продуктов.

Не редко случается, что государство назначает пенсией выходящим в отставку слугам своим. Этот пенсией, необходимо пожизненный, нужно рассматривать, как составную часть вознаграждения за труды и следовательно он подходит под общие правила. В этом случае легко примириться с некоторым отклонением от основного принципа. Но отклонение не уничтожает принципа, а скорее доказывает его существование. В сущности всем этим управляют все те же правила мены, а в чем они заключаются? — В спросе и предложении, в

свободном соглашении, в двустороннем договоре, в представлении продукта за продукт, услуги за услугу, ценности за ценность, в том, что после передачи продукта и принятия за него эквивалента обе стороны совершенно расквитались. Нужно обратить внимание на это выражение; по окончании мены прекращаются всякие взаимные обязательства сторон; всякий получает известную вещь и может распоряжаться ею безотчетно, по своему произволу.

Обратимся к писателям. — Из всего сказанного очевидно, что если бы писатель был общественным деятелем, то определить способ его вознаграждения было бы очень легко. На него смотрели бы, как смотрят на профессора, судью, администратора, священника, деятельность которых предполагает также известного рода дарование, потому, что хотя они и не занимаются литературой, но часто выказывают столько же красноречия, знания, философского направления и героизма, как и человек перелагающий свои мечтания в стихи, диссертации, памфлеты или романы. В этом отношении было бы дерзко и обидно проводить какое нибудь различие между всеми этими услугами и продуктами. Однако наследственность уничтожена и в судейском и в духовном сословии, точно так же, как и в промышленности; вознаграждение облечено в форму ежегодного оклада, дополняемого иногда назначением пенсии, должности отдаются по конкурсу, так что и тут является та же свободная конкуренция, которая господствует в сфере промышленности.

Получая жалованье от государства, может ли учёный или литератор требовать, чтобы на него смотрели иначе, чем на прочих чиновников? Конечно нет. Получая жалованье от правительства, литератор потерял бы всякое право собственности на свои сочинения, за которые он достаточно уже вознаграждался бы ежегодным окладом. Во Франции духовенство кроме жалованья от правительства имеет еще случайные доходы и жалуется на свою судьбу; профессора получают особую плату за экзамены; академики получают вознаграждение за каждое заседание. Не худо бы отменить все эти прибавки, представляющие собою остаток от тех старых времен, когда экономические понятия были весьма не точны, когда судья брал взятки, а духовенство получало доходы; когда в руках дворянства была и привилегия военной службы и привилегия права собственности, между тем как земледелец был в крепостной зависимости и отправлял барщину; когда цивиль-лист государя смешивали с государственной казной; словом, когда производство находилось в рабском положении, а мена заключалась в взаимном надувательстве.

§ 6. Прекращение авторских прав

И так нам остается только заняться писателем независимым, который не состоит ни в звании профессора, ни в звании чиновника, ни в звании священника, который просто распространяет свои идеи посредством листков, прошедших через типографский станок. Каким образом определить следующее ему вознаграждение?

В этом отношении указывают нам дорогу французские короли, первые начавшие выдавать привилегии на печатание той или другой книги, нам остается только следовать их примеру. Автор представляет собою одну из меняющихся сторон, не так ли? с кем же он меняется? — Ни со мною, ни с вами, ни с кем в частности, но вообще со всею публикою. Если

представитель общества — правительство не назначает никакого жалования писателю (спешу оговориться, что я ничего подобного и не требую), то ясно, что на писателя нужно смотреть, как на антрепренера, принимающего на себя весь риск предприятия, что его издание с коммерческой точки зрения не представляет собою чего либо верного, обеспеченного и потому между ним и обществом возникает безмолвный договор, вследствие которого, в виде вознаграждения за труд, автору предоставляется на известное время исключительное право продавать написанную им книгу. Если на издание будет сильный запрос, то автор будет вознагражден с излишком, если издание не пойдет в ход, то он ничего не получит. Для того, чтобы он успел возратить свои издержки, ему дается 30-летний, 40-летний, 70-летний срок. Я нахожу этот договор совершенно правильным и справедливым потому, что он соответствует всем требованиям, сохраняет все права, соблюдает все принципы, и уничтожает все возражения. Одним словом, автора удовлетворяют, как и всех производителей, даже лучше многих других; но с какой стати может он заявлять претензию на исключительное положение, требовать сверх всего того, что дают ему — торговое право, законы о мене и политическая экономия, еще какой-то бессрочной ренты?

Этот вывод совершенно ясен, и пусть ктонибудь найдет в нем хотя тень софизма. В заключение повторим наши положения: от правительства требуют установления в пользу писателей нового вида права собственности, особой собственности *sui generis*, аналогичной собственности поземельной.

Я ничего не говорю против поземельной собственности, основанной на особых соображениях, об которой здесь нет и речи. Я спрашиваю только на чём основана такая аналогия?

В ответ на это защитники бессрочной монополии пускаются в экономически-юридическое рассуждение, исходною точкою которого служит то положение, что писатель — производитель, и как таковой имеет исключительное право на пользование своим продуктом. Я согласен на это уподобление, но замечу, что понятие о производительности и права из неё вытекающие вовсе не порождают права собственности в том смысле, в каком обыкновенно принимается это слово, в каком понимают его и защитники литературной собственности. Что литератор имеет право распоряжаться своею рукописью, как ему заблагорассудится и никому ее не показывать, в этом нет никакого сомнения, но что же этим доказывается?

Мне возражают, что всякий продукт, всякая услуга дает право на вознаграждение и что автор, пустивший в обращение свою книгу, может требовать за это какогонибудь эквивалента. Я и с этим согласен, но замечу моим противникам, что ни из понятия о мене, ни из понятия о производстве не вытекает понятие о собственности, и путем тех же аналогий докажу, что писатель, которому предоставлено на известный срок исключительное право на продажу своих сочинений, вознагражден сполна. Требуют, чтобы эта привилегия из срочной превратилась в бессрочную; — но на этом основании и крестьянка, которой за корзинку ягод дают пятьдесят сантимов, могла бы ответить: «нет, вы должны, до бесконечности, платить мне и моим наследникам ежегодную ренту в 10 сантимов». — Неужели же торгующий хлебом, мясом, вином и т. п. может отказаться от принятия платы за товар и требовать

замены её бессрочной рентой. Но ведь это значило-бы, подобно Иакову, приобрести право первородства за чечевичную похлебку. При таких условиях не только торговля, но и производительность вскоре вовсе бы остановилась потому, что всякому лицу достаточно было бы поработать несколько лет, а потом жить не трудом, а рентой. Нелепость такого требования очевидна.

Но есть ли хотя какой нибудь разумный предлог для того, чтобы сделать исключение в пользу художников и литераторов. Никакого подобного предлога не представляется. Защитники бессрочной монополии требуя, чтобы она была дарована совершенно безвозмездно и не опиралась ни на соображение личного значения авторов и художников, ни на достоинство их произведений, требуют вещи совершенно выходящей из порядка вещей. С какой стати устанавливать постоянный пенсион в пользу производителей, труды которых столько же сколько и все прочие продукты носят на себе отпечаток индивидуальности и духа времени, и по существу своему столько же ограничены, несовершенны, непрочны и недолговечны? Разве не известно, что произведения чистого, отвлеченного мышления изнашиваются так же скоро, как и промышленные продукты, уничтожаются постоянным движением человеческой мысли, поглощаются, видоизменяются другими последующими сочинениями? Средний срок существования книги не превышает 30-ти лет; перейдя за этот предел, книга уже не может удовлетворить духу времени, становится отсталою и ее перестают читать. Некоторые (весьма незначительное меньшинство) доходят до последующих поколений, но сохраняются только, как памятники древнего языка, исторические источники, археологические редкости. Кто в настоящее время читает Гомера или Вергилия? Для того, чтобы понимать их и оценивать их красоты нужно пройти через длинное подготовительное обучение. Пробовали было ставить на сцену пьесы Эсхила и Софокла, но и это не удалось. Библия, перейдя от Израильтян к Христианам совершенно переменяла свой вид. Недавно на наших глазах померкла слава Беранже, а через несколько лет никто не станет говорить ни об Ламартине, ни об Викторе Гюго. Об них как об тысяче других, будут помнить одни любознательные учёные: — вот в чём заключается бессмертие.

Но, скажут мне, если существование умственных произведений так непродолжительно, то какое же препятствие найдете вы для установления бессрочной привилегии в пользу писателей?

Я нахожу для этого много различных препятствий. Во первых, бессрочная привилегия не соразмерна с заслугами писателей и нарушает законы мены, по которым всякий продукт должен быть оплачен эквивалентом. Давать что либо свыше эквивалента, значит узаконят паразитство, становиться поборником несправедливости. Кроме того, установление такой бессрочной привилегии составляет нарушение прав общества, для которого таким образом умственные труды частных лиц идут во вред, а не в пользу. Наконец, защитники бессрочной монополии вовсе не замечают еще того, что исключительное право продажи своих сочинений, если бы оно было на вечные времена предоставлено авторам, увеличило бы продолжительность существования книги, что значительно повредило бы делу прогресса. О нарушении законов мены я не буду более говорить, но к двум последним причинам, по которым я считаю невозможным установить бессрочную монополию, я возвращусь еще в третьей части настоящего сочинения.

§ 7. Разрешение некоторых затруднений

Прежде чем пускаться в дальнейшие исследования да позволено мне будет разъяснить несколько недоразумений, вытекающих из неточности терминологии, употребляемой и защитниками и противниками литературной собственности. Эти подробности, я знаю, несколько скучны, но тем не менее необходимы.

Тут нужно обратить особое внимание на два следующие положения: 1) что между автором и публикою происходит мена; 2) что вследствие такой мены публика, за известную плату, получает книгу в свое распоряжение, в свою собственность. Этим устраняются все затруднения и вопрос совершенно разъясняется. Для того, чтобы установить понятие об интеллектуальной собственности, аббат Плюке сравнивает творения гения с поземельным участком, который распахан автором, а сообщение сочинения публике он называет жатвою. Очевидно, что для этого писателя не существует ни логики, ни грамматики. Творение гения не поземельный участок, но продукт, а между этими двумя понятиями есть существенное различие. Сообщение книги публике — не жатва, а непременно последствие мены; оно именно и представляет тот акт посредством которого автор отказывается от распоряжения своею книгою, то действие, которое юристы называют передачею (tradition), а купцы — отпуском товара (livraison). За тем следует цена, которой нелепо придавать название жатвы потому что тогда пришлось бы назвать жатвою и цену мешка хлеба; но это значило бы перепутать все понятия. Обработанная и засеянная земля произвела пшеницу; эту пшеницу снесли на рынок и продали за известную цену; вот и вся процедура. Точно также и человек, обрабатывающий поле мысли, извлекает из него продукт — книгу; эта книга печатается, продается, и автор получает за нее известное вознаграждение.

Некоторые из последователей бессмысленной теории Плюке, принимая все таки литературное произведение за поле, стали называть плодами этого поля — то количество экземпляров, в котором книга напечатана. Так как, говорят они, всякому поземельному собственнику принадлежат плоды, приносимые его участком, то следовательно и т. д., — другими, словами повторяют нелепое мнение Плюке. Всякое произведение автора заключает в себе более или менее развитую мысль, которая имеет свое особое существование, независимо от печатной книги, рукописи и даже слова. Речь, в которую облекается эта мысль, бумага и буквы, с помощью которых эта речь, сначала придуманная, потом сказанная, становится видимою для глаз, вовсе не дети этой мысли, не плоды её, а только способы её проявления. Это посторонние продукты, являющиеся на помощь автору, подобно тому, как повивальная бабка является на помощь родильнице. До какой степени верно подобное мнение, доказывается тем, что продукт типографский, как вспомогательный, оплачивается автором, или издателем прежде, чем самый труд автора будет вознагражден.

Г. Виктор Модест, проводя эту ложную аналогию между литературным произведением и поземельным участком, восстает против выражения: заработная плата, которым некоторые неловкие противники бессрочной монополии хотели определить авторское право. «Автор,

говорит он, ни от кого не получает жалованья, он не отдает своего сочинения в наем, он не пишет по заказу и, следовательно, название заработной платы неточно, извращает самое понятие». Хорошо, — отбросим это название, идущее только к некоторым специальным объектам мены, и скажем просто, что автор — производитель; что, следовательно, он имеет право на вознаграждение за то, что передает публике результат своего труда. Но что же выиграет из этого г. Виктор Модест? Продукт за продукт, услуга за услугу, идея за идею, ценность за ценность: мы все таки остаемся в области мены и не входим в сферу права собственности.

Некоторые писатели вздумали восставать против бессрочной монополии во имя общественной пользы. Несчастный аргумент: если бы бессрочность прав писателя действительно вытекала из того, что он производитель, как пытались доказать защитники литературной собственности, то против такого вывода не могла бы устоять никакая общественная польза; пришлось бы или признать за автором право собственности, или изобрести какой нибудь эквивалент. Тут нужно говорить о публичном праве, а не об общественной пользе. Литературное произведение, раз обнародованное, становится уже публичным достоянием и, за выделом авторских прав, всецело уже принадлежит обществу.

Докладчик закона 1791 года Шапелье сделал ошибку, сказав «когда привилегия на исключительную продажу кончается, то возникает право собственности для целого общества». Выражать подобное мнение, значит не понимать сущности договоров купли-продажи и мены, в особенности же того договора, который предполагается заключённым между автором и публикою. При всякой купле-продаже и при всякой мене — право собственности для приобретателя начинается только с момента отпуска или принятия товара. Что касается до книг, то моментом отпуска их считается момент поступления их в продажу. Не будем, подобно Шапелье, смешивать права собственности на литературное произведение с правом на продажу книг. Объект права собственности составляет содержание книги и это право прекращается для автора и начинается для публики с момента поступления книги в продажу. Что касается до привилегии, обеспечивающей вознаграждение автора, то она интересует только торгующих книгами и точно так же с истечением известного срока прекращается для автора и распространяется на всех книгопродавцев.

На этот ввод публики во владение произведением, за которое она платит, защитники литературной собственности смотрят как на узурпацию. Сказав, что сообщение сочинения публике есть жатва, собираемая автором, аббат Плюке утверждает, что на это сообщение имеет право один автор и никто без его позволения не может познакомить публику с его трудом. Подобное сообщение публике чужого сочинения, прибавляет г. Лабуле, отец, есть ничто иное, как кража; поступать таким образом все равно, что жать хлеб на чужом поле... Они решительно не в состоянии сойти с этого пути!

Нельзя же смешивать сообщение по секрету, по доверию, с обнародованием. Покуда сочинение еще не издано, то конечно те, которым автор прочел его по секрету, не имеют права обнародовать его и со стороны их такой поступок был бы крайне неблагороден. Но если за сообщение сочинения заплачено, если экземпляр книги продан, то обнародование уже совершилось. Деньги, заплаченные за книгу, дают приобретателю её право

пользоваться ею, делать из неё какое угодно употребление, передавать ее другим, читать ее, делать из неё извлечения. Можно ли запретить любителю, купившему книгу, созвать к себе дюжину друзей и читать им эту книгу или давать ее на подержание знакомым? Все подобные действия пришлось бы запретить, если бы слушать ярых защитников собственности. Парижские рабочие нередко прибегают к складчине для того, чтобы купить книгу, которую каждый из них отдельно не в состоянии приобрести. Неужели же подобные ассоциации нужно преследовать во имя авторского права собственности?

Противники литературной собственности впадают в другую крайность. Со стороны их было заявлено мнение, что поддельщик, перепечатавающий книгу, — только осуществляет право пользования приобретенною им вещью. Как принцип, такое мнение совершенно основательно. Всякий имеет право, приобретя книгу, передать ее другому лицу, снять с неё копии и распространять их. Но в практике приходится ждать истечения срока авторской привилегии потому, что иначе автор был бы лишён законного вознаграждения за труд.

Но, скажут нам, если с момента обнародования сочинения право собственности от автора переходит к публике, то автор уже не может распоряжаться своим произведением, не может его исправить, изменить, увеличить, сократить, потому что подобные действия будут покушением на неприкосновенность общественного достояния.

На это весьма лестное для авторов возражение не трудно отвечать; да это, в сущности, даже и не есть возражение. Можно допустить, что во все продолжение срока привилегии, автор имеет право, в последующих изданиях, исправлять, даже сокращать свое сочинение и обогащать его новыми прибавками. Но он уже не вправе уничтожить своего сочинения потому, что с одной стороны, с коммерческой точки зрения, им уже овладела публика; с другой стороны, с точки зрения литературной добросовестности, автор не может отказываться от своих слов, он не может утверждать, что не говорил того, что сказано; что публика не читала того, что она прочла; что читатели не поняли, не усвоили себе его сочинения и потому не имеют права указывать ему на высказанные им мнения, от которых он отказывается. {6}

Но если писатель, обнародовавший свое сочинение, по принципу не вправе уже извлечь его из оборота, то тем менее подобное право может принадлежать наследникам его. Необходимо, однако, несколько изменить ту аргументацию, к которой прибегают в настоящем случае защитники прав общества. По их мнению одною из причин, побуждающих к уничтожению принципа литературной собственности, должно служить то обстоятельство, что иногда семья автора, по соображениям, которых автор вовсе не разделяет, может уничтожить или исказить его произведение. Но это рассуждение так же неосновательно, как и ссылка на требование общественной пользы, потому, что если собственность принадлежит автору по праву, то никакие соображения ни об личности автора, ни об семье не могут ее ограничить. Ясно, что легистам, о которых я говорю, обстоятельство это представляется в совершенно превратном виде. Литературная собственность не должна быть допущена не потому, что семья автора может злоупотребить ею и уничтожить произведение автора, но потому, что публика окончательно и безвозвратно вступила во владение книгою вследствие её обнародования и как автор, так и семья его, теряют право безусловного распоряжения этою книгою и вознаграждаются только выдачей им срочной

привилегии на исключительную продажу сочинения.

§ 8. О кредите и капиталах

Понятия о сбережении, о капитале, о наемной плате и о коммандите{7} не приводят нас к понятию о литературной собственности, аналогичной собственности поземельной и не могут служить основанием бессрочной ренты

Мне скажут, пожалуй, что теория моя неверна в самом основании потому, что построена на ложном уподоблении; скажут, что сделка, в которую автор вступает с публикою не имеет ничего общего с меною, а скорее подходит к условиям ссуды. {8*} Действительно, литературное произведение отличается от большинства, промышленных тем, что оно не истребляется вследствие употребления. По этому-то передача этого произведения другому лицу не есть ни продажа, ни мена, а просто отдача на подержание. Так как эта отдача отнюдь не должна быть безвозмездна, то и следует допустить, что обнародование литературного, научного или художественного произведения может так же точно послужить основанием бессрочной ренты, как и отдача капитала в пользование другого лица, как и отдача в наем дома или корабля. Конечно писатель имеет полное право отказаться от всякого вознаграждения за свой труд; — кто же решится восставать против великодушия и самопожертвования? — Конечно он может также попользоваться своими авторскими правами в течении двадцати, тридцати лет, а потом отказаться от них в пользу общества. Но подобный отказ с его стороны будет великодушным подвигом и должен быть рассматриваем как дар; если такого отказа не последует, то здравый смысл и всевозможные аналогии доказывают, что писатель на вечные времена имеет право требовать уплаты процентов или ренты.

Я вовсе не думаю в настоящем случае толковать о процентном займе и о безвозмездности кредита, зная, что из этого поднялся бы новый скандал и противники мои пуще прежнего стали бы кричать о моих софизмах. Мне пришлось уже сказать это при споре с Бастиа, — я не хочу ничего брать даром; я нахожу, что если сосед мой дал мне хлеба или одолжил мне какую-нибудь вещь, то имеет право требовать вознаграждения. Я хочу только, чтобы меня не заставляли платить проценты, когда я могу обойтись и без этого; я имею полное право не прибегать к помощи постороннего коммандитария, если у меня есть средства иначе удовлетворить своим потребностям; во всяком случае я не хочу платить ничего, кроме должного. Таков мой взгляд на заем под проценты. Итак пусть успокоятся банкиры, владельцы акций и прочие капиталисты, как поземельного, так и движимого кредита; их права, как и права собственников, не будут нарушены. Я утверждаю только, что сообщение автором публике литературного произведения не кредитная операция, что это не ссуда, не отдача в наем, не коммандит, а просто торговая сделка — мена.

Все доводы моих противников противоречат и теории и практике политико-экономической. Читатель не замедлит в этом убедиться если проследит до конца за моими соображениями.

Во первых исходною точкою для моих противников служит совершенно ложная гипотеза, что интеллектуальное произведение не потребляется от употребления и потому не может

быть объектом мены. Следовательно они предполагают, что объектом мены могут быть только потребляемые вещи, а объектом ссуды только непотребляемые. Известно, однако, что и то и другое ложно: ссуда жизненных припасов может, например, подать повод к требованию процентов, а ссуда капитала, земель, домов — легко может обратиться в мену.

Потребляемость предмета тут ровно ничего не значит; по ней, без других признаков, нельзя даже узнать есть-ли данный договор — наем, ссуда или мена. Для распознавания их нужно искать других примет, нужно прибегнуть к другой диагностике.

Да кроме того, справедливо ли еще мнение, что интеллектуальные произведения по существу своему нетленны, вечны? Я уже замечал (§ 2), что мнение это неосновательно; мне остается только другими словами повторить свое замечание. Как в области философии и искусства, так и в области промышленности, человек не создает ни материи, ни идей, ни законов. Вещество как органических, так и не органических тел создано самой природой, человек не может ни уничтожить, ни создать ни одного атома. Идеи и законы открываются человеком вследствие наблюдения над вещами; ни изменить, ни изобрести их человек не в состоянии. Истина также от него не зависит; он может только шаг за шагом, путем усидчивых трудов, открывать ее и, по мере сил своих воплощать ее в слова, в книги, в произведения искусства. От него зависит также не признавать истины, не видеть ее, гнать ее; — в его воле прибегнуть к орудию софистики и лжи. Что касается до красоты и справедливости, то и они так же независимы от нашего разума и нашей воли, как истина и идеи; и тут опять нам предстоит только или приближаться к ним путем глубокого изучения, или отвергать их, не признавая ничего высокого, идеального. Тогда-то мы поймем, что значит поклоняться беззаконию и безобразию, которые подводятся к общему знаменателю — греха.

Но что же наконец производит человек, если он не творит ни материи, ни жизни, если он не создает идей, если даже не ему принадлежит открытие изящного и справедливого, — если в деле умственного труда вся заслуга его состоит в точной передаче истины, без искажений и преувеличений? —

Человек производит движения и формы; первые служат средством к тому, чтобы извлечь более пользы из существующих уже в природе тел, вторые приближают человека к истине и идеалу. На всех произведениях человека лежит отпечаток личности, случайности, непрочности, все они недолговременные, и требуют постоянных пересмотров. Таковы свойства произведений ума.

На какие сочинения изменение взглядов и ход прогресса должны бы иметь всего менее влияния? Конечно на сочинения трактующие о науках точных, о геометрии, арифметике, алгебре, механике. Однако и по этим наукам постоянно являются новые сочинения; почти сколько профессоров, столько и трактатов и притом, чем книга старше, тем менее ее употребляют. Чем объяснить подобный факт? — Тем ли, что истина изменяется? — Во все нет; но каждое поколение, даже каждый класс студентов требует новой формулы для выражения той же самой идеи, той же самой истины, того же самого закона; это значит, другим словом, что в 10, 15 или 20 лет книга отживает свой век. Форма устарела, сочинение достигло своей цели, принесло известную услугу обществу и потому должно прекратить

свое существование.

Итак нельзя сказать, что произведение писателя непотребляемо, вечно, что, следовательно, обязательство вознаграждать автора лежит не только на современниках его, но и на последующих поколениях. Вечны, повторяю я, только материя и идеи, т. е. такие вещи, которые не нами сотворены. Разве путем трансцендентальных соображений можно дойти до того, чтобы идеи обращались в собственность, порождали майораты и вели к основанию умственной аристократии; мы же к таким трансцендентальным соображениям не прибегаем, а черпаем свои суждения из торговой и промышленной практики, останавливаясь только на чисто экономических понятиях о производстве, мене, цене, заработной плате; обращении, потреблении, ссуде, кредите, проценте.

После этих замечаний о потребительности интеллектуальных произведений и свойствах меняемых и ссужаемых вещей, обратимся к теории капитала и кредита и будем применять ее к литературному производству.

Во первых, можно ли рассматривать, как капитал, литературное произведение только что вышедшее в свет? —

Всякому понятно значение слова капитал; это масса продуктов, скопленная посредством сбережения, которая служит средством для дальнейшего производства. Капитал не имеет самостоятельного существования; в нем нет ничего нового; он представляет только особый вид продуктов, имеющий свое специальное назначение. Так напр. для фермера капитал или, так называемый *cheptel*, составляют земледельческие орудия, скот, фураж, семена, съестные припасы, домашняя утварь, одежда, белье, — словом все припасы, служащие для работы или для содержания его семьи до времени жатвы. Капитал ремесленника составляют инструменты и первоначальный грубый материал, из которого он выделяет свои произведения. Дома, строения — такие же капиталы. Даже человека, если смотреть на него только как на рычаг производства, можно принимать за капитал; — здорового мужчину 25 лет, знающего какое-нибудь ремесло, оценивают средним числом в 25,000 франков.

Теперь уже не трудно найти в чем заключается капитал писателя. Капитал этот заключается в его воспитании, в собранных им материалах, в начатых им работах, в его библиотеке, в его переписке, в его наблюдениях, средствах, приобретенных им для существования до того времени, когда он получит вознаграждение за свое сочинение. Таков капитал писателя. Но не этот капитал пускается им в обращение, не этот капитал передается публике, которой он ни на что и не нужен. Капитал писателя, как и всякий капитал, употребленный на производство, почти невозможно ни продать, ни передать другому лицу потому, что он имеет значение только в руках того человека, который умеет придать ему ценность, а при продаже с аукциона за него не дадут и 10 % его настоящей стоимости. Итак, с точки зрения писателя, изданная им книга не капитал, а простой продукт.

Взглянем на предмет с точки зрения публики. Будет ли капиталом произведение автора превратившееся в публичное достояние? Сговоримся. Мы видели, в чем состоит капитал для каждого разряда производителей; он состоит из совокупности инструментов, орудий, сырых

материалов, купленных или выменянные, служащих орудиями дальнейшего производства. Словом — он служит фондом для последующего производства.

Итак понятия фонда, капитала тесно связаны с понятиями накопления, собрания, совокупности. Эта совокупность, эта сумма, смотря по роду занятий, может состоять из большего или меньшего числа продуктов. Эти продукты не составляют еще капитала пока находятся в руках производителей, они обращаются в капитал только с переходом в руки купившего их потребителя.

Таким образом проценты с обращенного в капитал продукта идут не в пользу производителя и продавца, но в пользу приобретателя. Так, пускай писатель вносит в цену своего произведения процент с той суммы, которую он употребил на свои путешествия или которую уплатил своим сотрудникам; он имеет на то полное право потому, что такое вознаграждение — есть процент на его капитал. Но смешно было бы с его стороны требовать от публики платежа бессрочной ренты за то, что сообщенное им публике сочинение сделалось общественным достоянием. Да, произведение писателя вошло в состав общественного капитала: интеллектуальное произведение индивидуума составляет частичку общественного имущества; но именно по этому-то индивидуум и не может требовать ничего кроме платы за продукт, кроме вознаграждения за труд. Если общественное имущество будет кому либо приносить доход, то конечно уже не писателю, а самому обществу.

Вот новое доказательство справедливости наших мнений; анализ понятия капитала приводит нас к тем же результатам, к которым вели и понятия о продукте и мене.

Но противники наши упорствуют. Почему, говорят они, не применить к литературным произведениям условий ссуды вместо условий мены? Почему вознаграждение автора, вместо раз заплаченной цены, не может принять форму процентов? — Вы допускаете принцип процентов; вы сознаетесь, что проценты применимы и к займу потребляемых предметов (*mutuum*) и к ссуде не потребляемых и даже недвижимых предметов (*commodatum*). Почему же не отдать преимущества этому, более удовлетворительному для авторского самолюбия, способу вознаграждения перед тем, который далеко не так справедлив и против которого столько кричат? —

Опять-таки сговоримся. Если вы требуете только замены купли-продажи кредитною операциею, то я ничего против этого не имею. Что такое в сущности, кредит? — Это длящийся обмен, порождающий для должника право — возвратить занятую сумму и, следовательно, уничтожающий бессрочность долга или, что одно и то же, бессрочность платежа процентов.

Таким образом торговец платит банку известный процент за дисконтирование векселя, полученного им за товар, — и это совершенно справедливо потому, что банк оказывает купцу услугу, доставляя ему капитал в то время, когда он еще не успел возвратить затраченной им суммы. Но ясно, что проценты платятся только до тех пор, пока сам банк не будет вполне вознагражден, т. е. они платятся до истечения срока дисконтируемого векселя.

По тем же основаниям и потребитель, покупающий в кредит платит за это известный процент продавцу, что также совершенно справедливо потому, что процент служит вознаграждением за отсрочку платежа. После производства уплаты, платеж процентов прекращается. Как в этом, так и в предыдущем примере проценты не имеют самостоятельного значения, а служат или вознаграждением за услугу или платою за кредит. Ни один банкир не согласится постоянно возобновлять обязательства своих должников, и всякий торговец ведущий дела только с помощью подобных операций, рано или поздно непременно должен обанкротиться .

Точно также и должник, обеспечивающий свой долг ипотекою, платит проценты, но все-таки с надеждою и с правом впоследствии освободиться от обязательства.

Точно также наконец кредиторы государства и акционеры общества железных дорог получают проценты с своих капиталов; но государство, тем не менее, сохраняет за собою право погасить долг; акционерные же компании учреждаются обыкновенно не более как на 99 лет. Большим несчастьем считается, если государство не погашает, а увеличивает свои долги, или если акционерная компания не возвращает в установленный срок всего своего капитала.

Кредит есть только другая форма мены; если ничего другого не требуют для интеллектуальных произведений, то, значит, нам не об чем спорить, вопрос остается *in statu quo*. Но очевидно, что противники мои имеют совсем не то в виду. Они требуют установления бессрочной ренты, которая столько же вытекает из понятия кредита, сколько из понятий производства и мены.

Таким образом уничтожаются сами собою все доводы моих противников. Притязания на учреждение литературной собственности основываются на одном только бессовестном вилении. Если произведение ума юридически уравнивается с продуктом, то оно и дает право только на определенное вознаграждение. Это вознаграждение может состоять или в назначении пожизненного пенсионера или в выдаче срочной привилегии на исключительную продажу сочинения. Требовать большего, значит выходить из границ и кредита и мены. Такой образ действий не соответствует условиям частной торговли, он даже хуже лихоимства, которое, по крайней мере, не длится до бесконечности.

Исполнить подобные требования значило бы поставить все общество в крепостную зависимость от писателей, а такое порабощение хуже прикрепления к земле.

§ 9. О господстве и личности. — Право завладения в области интеллектуальной

Допустим однако на время, что принцип литературной собственности основателен. За тем следует перейти к применению его, но тут то и окажется затруднение. Каким образом, в самом деле, установить эту собственность?

Конечно в основание её нельзя положить самое произведение автора; мы достаточно уже доказали, что от понятия о производстве далеко еще до понятия о собственности; мы доказали уже, что произведение, подчиняющееся условиям мены, спроса и предложения, передачи, уплаты, расчёта, не может служить таким фондом, из которого бы вытекала бессрочная рента.

Нельзя также положить в основание литературной собственности капитал автора; капитал этот важен только для самого автора, но бесполезен, и следовательно не имеет никакой цены для публики, которая пользуется только самым произведением автора. Что касается до понятий кредита и процентов, по аналогии с которыми хотели установить бессрочную ренту, то они решительно несовместны с понятием бессрочности.

Остается только распорядиться с миром духовным, с миром идей так же, как распорядились с землею, т. е. размежевать его на участки между частными владельцами. К этому-то именно и стремится г. де Ламартин.

«Человек трудится над обработкою поля или над изобретением выгодного ремесла. За это ему предоставляется право собственности на его произведения, а по смерти его это право переходит к наследникам, назначенным или законом или завещанием. Другой человек, забывая самого себя и семью, убивает всю свою жизнь на то, чтобы обогатить человечество каким нибудь гениальным произведением или новою идеею, которая произведет переворот в целом мире... Идея созрела, гениальное произведение вышло в свет; весь образованный мир пользуется этим произведением; торговля и промышленность эксплуатируют им в свою пользу; оно делается источником богатства, порождает миллионы, переносится из одной страны в другую, как растение».

«Неужели же этим произведением должны пользоваться все, кроме самого автора, его вдовы и детей, которые будут бедствовать в то время, как неблагодарный труд отца будет обогащать и общество и посторонних частных лиц».

Г. де-Ламартин принимает свои громкие, красноречивые фразы за доказательства. Гиперболы, антитезы, возгласы и декламация заменяют для него логику. От него требуют определения, а он рисует картину, — доказательства, а он призывает богов во свидетели, клянётся своею душою, вызывает духов, плачет. Г. де Ламартин принадлежит к числу писателей, извлекших наиболее выгод из своей болтовни; он награжден, свыше заслуг своих, и деньгами и славой, — а жалуется на бедственное положение. Кто же в этом виноват? Можно ли обвинить общество в неблагодарности за то, что г. де Ламартин только и умеет что размышлять?

Я готов согласиться на исполнение желания г. де Ламартина, но нужно точнее знать чего именно он требует. Попробуем привести в ясность мысль этого великого рифмоплета.

Ему хочется, чтобы литературная собственность не смешивалась с простым владением литературным произведением или ценою его; ему хочется, чтобы она по отношению к миру интеллектуальному и нравственному была тем же самым, чем поземельная собственность в отношении мира промышленного и земледельческого. Тут, значит, требуется присвоить автору, самую идею, клочок интеллектуального и нравственного мира, а не формулу, не внешнее выражение этой идеи. Такое заключение очевидно вытекает из сравнения писателя, создающего и развивающего идею с человеком, который обрабатывает поле и, с дозволения общества, становится собственником этого поля.

Даже г. Фредерик Пасси, один из самых ярых защитников литературной собственности, столько же ненавидящий софистов как и г. де Ламартин, находит, что в высшей степени несправедливо таким образом защищать принцип раздробления общественной собственности и завладения ею посредством обработки; что подобные рассуждения ведут к уничтожению поземельной собственности; что люди, высказывающие подобные мнения, сознательно или бессознательно, становятся злейшими врагами права собственности. Так же смотрит на это и г. Виктор Модест. Я, с своей стороны, вполне согласен с гг. Фред. Пасси и Виктором Модестом; я готов обеими руками подписаться под такими рассуждениями и потому считаю требование г. де Ламартина совершенно неосновательным.

На каком же принципе может быть основана литературная собственность, — говорит г. Фредерик Пасси, — если для установления её недостаточно качества производителя, обработывателя и акушера идеи? Неужели она может возникнуть вследствие одного произвола законодателя? — Боссюэт и Монтескье, замечает г. Виктор Модест, утверждали, что поземельная собственность основывается единственно на положительном законодательстве. Но эта система в настоящее время брошена вследствие её односторонности, произвольности и наконец потому, что она не разрешает того страшного вопроса: почему законодатель, устанавливая право собственности, не разделит землю поровну между частными владельцами и не принял мер для того, чтобы и впредь, не смотря на все движение народонаселения, продолжало существовать подобное равенство? Устанавливая право собственности, законодатель, конечно, имел на то свои основания; он руководился соображениями общественного порядка, а такие соображения непонятны при неравенстве состояний. Но если, по современным понятиям, одной законодательной деятельности недостаточно для установления поземельной собственности, то для собственности интеллектуальной тем более нужны еще другие основания. Если допустить даже, что собственность поземельная введена путем законодательным, то неужели же из этого вытекает для законодателя обязанность, в видах симметрии, создать еще и собственность литературную? —

Что касается до права завладения или завоевания, посредством которого также думали объяснить происхождение литературной собственности, то конечно все юристы и экономисты отвергают его. Мысль о подобном праве могла явиться только в варварские времена феодализма, а в настоящее время никто не решится ее поддерживать.

Какой же принцип положим мы в основание поземельной собственности, если она не основывается ни на законе, ни на труде, ни на завоевании, ни на завладении? Для нас, однако, это важный вопрос потому, что принцип, на котором построена поземельная

собственность, по словам моих противников, служит в то же время основанием, или скорее предлогом, для установления собственности литературной.

Г. Фредерик Пасси, хорошо поняв насколько опасны для поземельной собственности и законодательная, и утилитарная, и завоевательная теория и разделив таким образом мнение софиста, стал искать другой точки опоры. Он углубился в психологические исследования и что же извлек из них? — Истину? Нет, увы! созерцать эту нагую богиню не дано старцам Мальтусовой синагоги. Г. Фредерик Пасси открыл, что человек — существо деятельное, одаренное разумом, свободой воли, отвечающее за свои поступки, словом существо, одаренное личностью; что, вследствие такой деятельности, разумности, свободы, ответственности, личности, — человек стремится присвоить себе, подчинить своей власти все окружающее; — таким образом и объясняется происхождение собственности. Бедный человек! настроив свое воображение психологическими мудрованиями, он и не заметил, что повторяет другими словами те же теории, которые только что опровергал.

Несомненно, что человек действительно существо деятельное, разумное, свободное, ответственное, корчащее из себя царя природы, но тем не менее достойное всякого уважения. Личность его, покуда он не нападает на права своих ближних, неприкосновенна; произведение его защищается, как святыня. Но что же из всего этого можно вывести? — Что человеку для развития и обнаружения своей личности нужны материалы, орудия, воспитание, кредит, мена, инициатива. Но всем этим потребностям может вполне удовлетворить владение в том смысле, в каком толкует его юриспруденция, определяет гражданский кодекс, понимает и применяет на практике большинство славянских народов. Такое владение, спасающее человечество от коммунизма, может удовлетворить вполне всем требованиям политической экономии. Ничего большего не требуют, как я уже имел случай указать, все теории, толкующие о производстве, труде, мене, цене, заработной плате, сбережении, кредите, и процентах. Гражданские и семейные отношения, даже самый принцип наследственности также не требуют ничего больше. Политическая экономия, конечно, не отвергает права собственности, но могла бы обойтись и без него; она не создала его, а нашла уже готовым; она только приняла, но не искала его. Таким образом, — не будь права собственности, — экономический мир от этого не пошел бы другим путем; но, при существовании права собственности, — узнать его происхождение и назначение, — составляет существеннейшую задачу нашего времени.

Для чего же существует это узурпационное учреждение, порожденное нашим произволом? — Очевидно, что, чем ни оправдывать право собственности, ссылаться ли на закон или на труд или на завоевание, считать ли его последствием свойственного человеку индивидуализма, стремления к свободе, к власти, словом какое толкование ни принимать, нет никакой возможности оправдать права собственности с исторической и социальной точки зрения...

Но тут я должен остановиться; издатель предостерегает меня и кричит, что я нападаю на право собственности. Подобный терроризм, обнаруживающий скорее лицемерие, чем уважение к законам и учреждениям страны, составляет величайший позор для нашего времени. Как! я нападаю на право собственности, потому что я не соглашаюсь с экономистами, принимающими его на веру, и утверждаю, что оно составляет самую трудную

задачу для социальной науки, тем более, что по видимому, основывается единственно на осужденном Евангелием начале эгоизма! После этого — сказать, что доводы, приводимые Кларком — недостаточны для доказательства существования Бога, значит — нападать на божество. После этого сказать, что всякая попытка доказывать реальность материи и движения содержит в себе противоречие, и круг в объяснении, — значит сделаться скептиком и нигилистом. После этого разоблачение невежества и постановка вопросов — есть поругание всех законов божеских и человеческих. Но при таких условиях не может существовать никакая наука, никакая философия; при таких условиях не мыслимо даже существование какой либо политики, какого либо государственного управления.

Паскаль в своих «Pensées», начинает с того, что унижает человека, намереваясь впоследствии его прославить и возвеличить. Можно ли сказать, что развивая теорию первородного греха, Паскаль вооружается и против Бога и против рода человеческого? — Почти таким же образом я отношусь к праву собственности. Я принужден отвергнуть его, если буду обращать внимание только на те мотивы и принципы его, которые выставляет школа; но я готов защищать его во имя более возвышенного принципа, когда мне укажут на подобный принцип. Что же могу я сделать для права собственности, покуда я не добрался до истинной его сути, как не освободить его от тех пошлостей, которыми оно компрометируется? {9}

Пусть читатель простит мне мое увлечение и, положив руку на сердце, скажет, — возбуждают ли в нем слова мои опасение за право собственности и напротив того не уясняет ли ему вопроса, не успокаивает ли его моя аргументация. Конечно, соглашусь я с г. Фредериком Пасси, человек, вследствие своего индивидуализма, стремится к завладению, к господству. Но это еще только стремление и нужно прежде всего узнать на чём оно основано, — на ясном сознании права, как желательного думать для всякого собственника, или на порочном побуждении, как утверждают все коммунисты, начиная с Миноса, Ликурга, Пифагора и Платона. Во-вторых нужно определить условия, правила и пределы этого стремления; нужно решить на чём оно должно остановиться: на праве пользования, на usufructe, на владении, на эмфитеузисе или на праве собственности? Право собственности есть право владычества; но справедливо ли, разумно ли с точки зрения социальной допускать такое владычество индивидуума? — Не все люди могут быть собственниками; кто же попадет в число избранных? — Какое вознаграждение, какую гарантию дать прочим?... Заметьте, что экономические соображения тут ровно ни к чему не ведут: нельзя сослаться ни на интересы производства, ни на интересы земледелия потому, что в большей части государств земля обрабатывается фермерами, арендаторами, а не собственниками. Наконец каким же образом, вследствие каких высших соображений, до сих пор остающихся неизвестными, возникло понятие права собственности. Чрезмерное развитие института права собственности погубило Италию, *latifundia perdidit Italiam*, как говорят историки описывающие падение римской империи; с другой стороны нам случалось слышать, что право собственности может служить синонимом злоупотребления. Как согласить все эти мнения? — Может ли право собственности быть ограничено не потеряв своего характера? Где провести подобные границы и какой закон их установит? — Вот что должен бы объяснить нам г. Фредерик Пасси, но вместо чего он отделался пошлейшим софизмом (я применяю к нему тот же эпитет, которым он меня наделил) и ответил на вопрос — вопросом же.

Итак люди, требующие установления литературной собственности, надменно надписывающие на своих брошюрах (которые составляются не иначе как вчетвером): мы — экономисты, мы — юристы, мы — философы, подразумевая под этим, что противники их — только софисты; эти школьные педанты, невежества которых стыдится даже их аудитория, не знают — что такое поземельная собственность, которую они хотят взять за образец для задуманной ими подделки; они не понимают социального значения поземельной собственности и не в силах отыскать причин её происхождения. В их лагере сколько голов, столько и различных мнений и трудно решить какое качество в них преобладает, — высокомерие или непоследовательность. Если кто либо осмелится разоблачить всю пустоту их доктрин, то вместо всякого ответа они обвиняют подобного критика в богохульстве. Потомство произнесет свой приговор над этою гнусною шайкою, столько же невежественною, сколько и недобросовестною и на нее падет ответственность за всю ту грязь, за весь тот кретинизм, в который погружена современная Франция.

Здесь неуместно было бы, повторяю я, разыскивать вследствие каких политических, экономических и социальных соображений цивилизация пришла к установлению права собственности, — такого института, объяснить которого не в состоянии ни одна философская система, но который, тем не менее, устоял против всех нападков. В подобном изыскании нет необходимости для разбираемого нами вопроса. В силу известной аксиомы: *pro nihilo nihil*, я полагаю, что и право собственности не могло возникнуть из ничего; что оно имеет свои общественные и исторические причины. Пускай сторонники литературной собственности, взбешённые тем, что не сумели доказать её законности, накинутся с досады на поземельную собственность; пускай они затронут ее, если только смеют, и я, быть может, возьмусь за её защиту и еще раз покажу этим невеждам на что способен софист. В настоящее время, принимая право собственности за существующий факт, я ограничусь заявлением, что не только не думаю восставать против этого права, но напротив того хочу опираться на него в настоящем споре и буду только доказывать, что существование поземельной собственности ни каким образом не может служить оправданием для введения права собственности интеллектуальной и что подобного установления вовсе не требуется ни для обеспечения прав общества, ни для обеспечения свободы частных лиц, ни для охранения общественного благосостояния, ни для защиты права производителей.

Иное дело — право производителя на плоды, произведенные его трудом и право собственности на поземельный участок, которое сверх того, жалует ему общество. Производитель по праву владеет своим продуктом, но право собственности на поземельный участок предоставляется ему обществом в виде дара. Я не порицаю общества за такую щедрость, я думаю, что она основывается на высших, неизвестных нам соображениях, и что если институт собственности до сих пор содержит в себе много несправедливого и со времен Римлян сделано весьма немного для увеличения его правомерности, если наконец, в настоящее время, институт этот потерял прежнее свое значение и обаяние, то этим может быть главным образом он обязан нашему невежеству. Но принимая право собственности поземельной за существующий факт, неужели нам необходимо, требовать от общественной власти, чтобы она подвергла область умственную, духовную такой же регламентации, какая применяется к земле? — Конечно нет, потому что между этими двумя сферами нет ничего общего; духом и материею управляют не одни и те же законы. Допустить подобное подчинение одним и тем же законам совершенно различных сфер было бы так же нелепо,

как посадить райских птиц на пищу геен и шакалов.

Кроме того, и сами защитники литературной собственности думают совсем не то, что говорят. Истощив весь запас своих доводов в защиту своего кумира, по свойственной им непоследовательности, они кончают тем, что отвергают то условие, которое одно только и могло придать некоторую возможность осуществлению химеры, которую они проповедают.

Будем помнить, что вопрос не в том только, чтобы обеспечить литератору справедливое вознаграждение за его произведение, но в том, чтобы установить в пользу его собственность, подобную поземельной. Тут, следовательно, пришлось бы частным лицам присваивать общий фонд, из которого черпают все производители. Возьмем пример.

В поэме, на составление которой он употребил 11 лет, Вергилий воспел происхождение и древность римского народа. Во всей истории рода человеческого вряд ли удастся насчитать много таких образцовых произведений, какова Энеида, не смотря на все недостатки, в ней встречающиеся. Конечно труд великого поэта имеет не менее значения, чем труд земледельца, которому верховная власть дарит в полную собственность клочок земли, им обработанной. Вергилий распахан поле Латинских преданий; он вырастил цветы и плоды на такой почве, которая до того производила только терновник, да крапиву. Август щедро наградил его за это сочинение; но осыпав поэта своими милостями, император вознаграждал только производителя за труд: оставалось еще создать право собственности. Итак Вергилий умер, но Энеида спасена от огня; следовательно наследникам поэта должно принадлежать исключительное право воспевать Евандра, Турнуса, Лавания, прославлять римских героев. Всякому поддельщику и литературному вору (*plagiaire*) запрещается воспевать любовь Дидоны, перелагать в латинские стихи Платоновы доктрины и религию Нуммы. Лукан не имеет права на издание своей Фарсалы; — это было бы нарушением прав Вергилия, — нарушением тем более предосудительным, что, враг императоров, Лукан отзывается о Помпее, Катоне и Цезаре вовсе не так, как подобает верноподданному. Самому Данте придется воздержаться: пусть он перелагает в песни христианскую теологию и осуждает на всевозможные адские муки врагов своих гвельфов, — это ему дозволяется; но путешествие его в ад, хотя бы и в обществе Вергилия, есть ни что иное, как литературная кража.

Вот на каких началах должна бы построиться литературная собственность, если бы обратить внимание на аналогию с собственностью поземельною и на феодальные тенденции. При господстве феодализма все основывалось или стремилось основываться на привилегиях: одна церковь могла разрешать все вопросы, относящиеся до религии; одно духовенство могло отправлять богослужение; один университет мог преподавать теологию, философию, право, медицину, — право иметь 4 факультета составляло, да и до сих пор составляет, — привилегию университета. Военная служба была доступна только для дворян; судебная власть мало-помалу сделалась наследственной; ремесленным корпорациям, цехам предписывалось придерживаться определенной законом специальности и не вторгаться в сферу других цехов. Делая Расина и Буало своими историографами, Людовик XIV может быть и не думал о том, чтобы предоставить их наследникам исключительное право повествовать об его великих деяниях; по принципам того века (которых и в настоящее время держится г. де Ламартин) Людовику XIV весьма легко было бы установить подобную привилегию. Если бы какому нибудь юному поэту вздумалось издать свои стихотворения

под названием: «Поэтических размышлений»{10*} (Méditations poétiques), — разве г. Ламартин в глубине души своей не счёл бы подобный поступок за воровство, за подделку? — Гг. Фредерик Пасси, Виктор Модест и П. Пальютте в предисловии к своей книге пишут: мы — экономисты, и как будто бы кричат публике: Берегись! — те, которые нападают на литературную собственность — не компетентные в этом деле судьи; они не экономисты, у них нет диплома от академии, их сочинения издаются не Гильоменом, — следовательно, они не имеют права голоса.

Эти то знаменитые экономисты пьются от последствий, естественно вытекающих из провозглашённого ими принципа; так что не только для посторонних лиц, но и для них самих перестаёт быть понятным, — чего они хотят? —

«Идеи, говорит г. Лабуле, отец, составляют общее достояние, которое частному лицу так же трудно присвоить как воду морскую или воздух. Я пользуюсь идеями, которые находятся в обороте, но не обращаю их в свою собственность. Человек добывает из моря соль, другой пользуется воздухом для приведения в действие мельницы, оба сумели создать себе частную собственность, частное богатство; но разве это мешает и прочим людям пользоваться теми же неистощимыми источниками и разве, вследствие того, что воздух принадлежит всем, всякий имеет право завладеть моею мельницею?» —

Последняя фраза ничто иное, как скачок. Мельница есть имущество недвижимое вследствие того, что она прикреплена к земле; не будь этого прикрепления, она была бы частью капитала. Пример, приводимый учёным юристом и экономистом г. Лабуле, говорит, следовательно, не за право собственности, а против него. Тот же писатель прибавляет:

«То же самое можно сказать и о книге, с тою только разницею, что литературное произведение не приносит ущерба общему фонду, но скорее обогащает его. Боссюет написал «Всемирную Историю»; Монтескье издал в свет «Дух Законов»; мешает ли это другим писателям составлять новую всемирную историю или открывать новый дух законов? — Уменьшилось ли число находящихся в обороте идей? — Расин написал «Федру», но это не помешало Прадону выбрать тот же сюжет, и никто не счёл подобного поступка контрафакцией. Пишите историю Наполеона и пользуйтесь при этом трудами г. Тьера, но не перепечатывайте текста его книги потому, что подобная перепечатка была бы таким же очевидным преступлением, как и покража плодов, растущих в моем саду».

Приводя цитаты из сочинений подобного экономиста нужно бы комментировать каждую его фразу. Книгу нельзя сравнивать с мельницею потому, что книга — продукт, который может войти в состав капитала разве тогда, когда из книжной лавки попадет в библиотеку учёного; мельница же, построенная на земле, входит в состав того права собственности, которое признано законодателем, вследствие неизвестных нам соображений. Правда, что литературное произведение обогащает общество, но тоже самое делают и прочие продукты. Литературный вор, конечно, преступник, но не такой, как человек, укравший, плоды, выросшие на чужом поле. Это объясняется тем, что сочинение автора есть его продукт, плоды же составляют прибыль, приобретаемую собственником по праву приращения (accession). Я не стану останавливаться на этих мелочах, но обращаю внимание только на главную мысль.

Итак, по мнению г. Лабуле, область интеллектуальная, в отличие от области земной, не подлежит присвоению. Пускай человек приводит свою мельницу в движение посредством воздуха, воды или пара, мельница все таки будет ему принадлежать; но самая мысль об употреблении воздуха, воды или пара как орудий движения, самая мысль о замене ими рук человеческих не может быть объектом права собственности. Правда, что тут иногда может быть речь о привилегии; но заговорить о привилегии, — значит вернуться к обыкновенному положению производителя, которого вознаграждают за труд, предоставляя ему на известное время исключительное право распространять свой продукт, и извлекать из него прибыль. При такой оговорке мнение г. Лабуле безупречно: изобретение может породить право первенства (*priorité*), но не может служить поводом к установлению права собственности. Скажут ли нам наконец, — г. г. экономисты, юристы и философы — чего они добиваются и на что жалуются? — До сих пор их решительно нельзя понять и требования их далеко еще не формулированы. Послушать их, так они самые энергические противники монополии. Пусть же они будут верны своим правилам и перестанут надоедать публике своими глупыми декламациями.

Земля разделена между частными владельцами и хотя теория права собственности еще окончательно не установлена, составляет еще не разрешённую задачу, но тем не менее поземельная собственность представляет собою многозначущий факт, занявший видное место и в международной политике и в отношениях частных лиц, факт, который принято объяснять высшими соображениями, которому принято приписывать возвышенную цель, не смотря на то, что ни этих высших соображений, ни этой цели мы не понимаем.

В настоящее время, когда мы только что начинаем знакомиться с наукою социальной организации, прилично ли заносить руку на это непонятное для нас учреждение, прилично ли перепутывать все понятия, не отличать неба от земли и перевертывать весь свет для удовольствия нескольких педантов? — На что жалуются литераторы? — разве положение их хуже положения других производителей? — Поземельная собственность возбуждает в них зависть; но подобное явление совершенно в природе вещей, и не худо бы им понять свое положение прежде, чем жаловаться на него. Пускай они, в ожидании новых благ, вместе с прочими людьми пользуются тем, что до сих пор добыто прогрессом. С тех пор, как прошла пора феодализма, земля, хотя еще и не составляет общей собственности, но доступна для всякого. Слуга, работник, арендатор, торговка, всякий может посредством сбережения части своих скудных доходов скопить хотя небольшой капитал, приобрести на него недвижимое имущество и говорить в свою очередь: я тоже собственник! — Кто же мешает и литератору поступить таким же образом? — Подобные превращения постоянно повторяются; но обратить вознаграждение, следующее писателю, в какое то постоянное ростовщичество — значило бы перепутать все понятия и перевернуть весь социальный строй.

§ 10. Общий вывод: правительство не имеет ни права, ни возможности

создать литературную собственность

Некоторые из лиц, слегка противившихся утверждению спроектированного закона, увлечённые ложною аналогией с поземельною собственностью соглашались, что правительство имеет право создать литературную собственность подобно тому как оно создало другие виды права собственности. Эта легкомысленная уступка ясно свидетельствует о том хаосе, который господствует в умах подобных людей.

Конечно правительство может сделать все, что ему заблагорассудится, если смотреть на дело только с точки зрения физической возможности. Если правительство желает что либо сделать, то кто же может остановить его, особенно если оно поддерживается и общественным мнением? —

Другой вопрос, если смотреть на дело так, что правительство может сделать все, что ему заблагорассудится, но в пределах экономических, естественных и общественных законов.

Так например: оно не может сделать, чтобы на вещь, которая по своему существу и назначению есть ничто иное, как простой продукт, смотрели как на фонд или собственность.

Оно не может также обратить договор мены в источник бессрочной ренты, хотя услуга или товар, служащий объектом мены может быть или разом оплачен или платеж может быть рассрочен на несколько лет.

Оно не может превратить платы за продукт в арендную плату. Оно не может, без нарушения законов, на которых основаны все общественные отношения, и без смешения всех понятий, постановить, чтобы на писателя, пустившего в оборот свои мысли, смотрели не как на простого производителя-меновщика, но как на невознаградимого командитария, в пользу которого, за его услугу следует создать наследственную, бесконечную ренту. Правительство точно так же не может сделать всего этого, как не может разделить воздух между частными владельцами или воздвигать строения на море, или производить без труда, или платить ренту всем и каждому.

Общество, вследствие высших соображений, еще не достаточно разъясненных, но неопровергаемых наукою, могло разделить землю между частными владельцами и создать поземельную собственность; оно могло сделать это, хотя подобное присвоение, по словам легистов, выходит из границ того права, которое производитель имеет на свои продукты, хотя политическая экономия вовсе не требует подобной уступки, хотя у многих народов право собственности не существует, а заменяется правом владения. Для того, чтобы установить интеллектуальную собственность правительству пришлось бы уступить писателю привилегию на те общие идеи, которые составляют общий фонд всех мыслителей. Но подобной уступки правительство не в состоянии сделать; такая уступка противна здравому смыслу, да никто её и не требует. Каким же образом назвать правом собственности простую привилегию — на воспроизведение и продажу с тою только целью, чтобы создать синекуру для наследников писателя.

Известны слова Буало:

Mais la postérité d'Alfane et de Bayard,

Quand ce n'est qu'une rosse, est vendue au hasard.{11*}

Может ли правительство сделать, чтобы сыновья гениальных людей были также гениальны?
— Конечно нет. Пусть же оно предоставит самому себе потомство гения; отцы — вознаграждены, наследники ничего не вправе требовать.

Версия #2

Зверобой создал 27 июня 2025 01:01:23

Зверобой обновил 27 июня 2025 01:08:31